Про солнышко Владимера

Во славном во городе во Киеве
У ласкова князя у Владимера
Заводился стол — почестен пир
Про всех купцей — людей торговыих,
Про всех крестьян православныих,
Про всех бояр толстобрюхиих.
А вот все робята собиралися,
Садились ребята на почестен пир,
Пируют-столуют трои суточки,
Третьи-то сутки — день до вечера.
День-от идет ко вечеру,
Солнышко катится ко западу,
Княженецкая радость — в полурадости.
Из-за того стола из-за переднего
Вставает тут солнышко Владимер-князь,
Выходит на середу кирпичат пол.
Солнышко по полу похаживат,
Тихо-смирную речь выговариват:
«Уж вы ой еси, все русськи богатыри!
Все вы сидите поженены,
У вас у всех жоны повыбраны,
От тех купцей — людей торговыих.
Един-то я, солнышко, холост живу,
Холост живу, да не женат хожу.
Не знаете ли мне-ка кто супружницу,
Супружницу да сполюбовницу:
Статным чтобы была статна, по́лна возрастом,
Волосо́м бы была руса́, лицом — белая,
Сквозь ейные чтобы рубашки ее тело ви́дети,
Сквозь ейное тело — кости ви́дети,
А не скаче́н жемчуг перекатается —
Из кости в кость мозг переливается».
А все-то сидят — у дрогнули,
Удрогнули сидят, умолкнули,
Старший хоронится за среднего,

Средний хоронится за младшого,
А младший сидит — ответу нет.
Один Дунай только весёл сидит,
Весёл видит да высоко глядит.
Говорит ли Дунай таковы слова:
«Уж ты ой еси, солнышко Владимер-князь!
Не буду ль я за слово ка́знен-ве́шеной,
Не буду ль я за слово в ссылку сосланной?»
Говорил ему солнышко таковы слова:
«Эх ты стой-ко-се, Дунай, да не упадывай!
Ни единого словецька не утаивай,
Не будешь за слово ка́знен-ве́шеной,
Не будешь за слово в ссылку сосланной».
Говорил тут Дунай таковы слова:
«Прежде досель да в молоду́ пору́
Бывал я, живал в земли дальние,
Дальние земли живал, в Турецкоей,
Турецкоей земли, королевскоей,
В королевскоей земли живал, Индейской,
У того я жил Семена Лиховитого.
Три года я жил у его во конюхах,
Три года я жил у его во писарях,
Три года я жил у его во стольниих.
Немного прошло тому времяцьку,
Прошло-прокатилось ровно девять лет.
Было у Семена тогда три доцери:
Большая доць — Овдотья доць Семеновна,
Злая полениця преудалая,
Ездит-гулят все во чисто́м поле,
Бьется-дерется со богатырьми.
Меньшая — Опросенья доць Семеновна.
Не бывала Опросенья на святой Руси,
Не видала Опросенья каменно́й Москвы,
Сидит она живет да в тю́рьмы крепкоей,
В крепкоей тюрьмы́ живет во ка́менной,
За семи она стенами за каме́нныма,
За семи за дверями за железныма,
За семи за замоцьками немецкима,
За семи за околенками хрустальныма,

Не простого стекла — все немецкого.
Сидит она живет на стульцике ремешчатом,
Вышиват она разны ширинoчки.
Статным она статна да полна возрастом,
Волосом она руса да лицом белая,
Сквозь ейной рубашецьки тело видети,
Сквозь ейно тело кости видети,
Сквозь кости мозг переливается,
Ровно скачен жемчуг да перекатается».
Загорелось у солнышка да ретиво сердцё,
Закипела у него да кровь горячая:
«Уж ты ой еси, Дунай сын Иванович!
Бери-ко-се себе да двух товарищев:
Во-первых, стара́ да Илью Муромца,
Во-вторых-то, Олёшеньку Поповиця.
Олёша Поповиць умет играть во пешки мелки шахматы,
Он заседет с Семеном играть во пешецьки,
А в ту ли пору, в это времецько
Мы сходим к Опросеньи доць Семеновной,
Попросим ей мы, посватаемся:
Пойдет она с нами охвотою.
Не пойдет охвотою — возьмем неволею».
Стали тут ребята собиратися,
Поезжают тут ребята, добры молодцы.
На то был солнышко наш догадливой:
Наливает им цару зелена вина,
Кладёт в цары турий рог меду сладкого,
Подносит ребятам, добрым молодцам.
Берут ребята во праву́ руку́,
Пьют они да ко одну духу́.
Подходят ребята ко добры́м коням,
Берут они в руки свой шелко́в пово́д,
Скоро они да в стремена ступили
И скорешинько да на коней скочили.
Смотрят у их всю поездку молодецькую,
Увидели: ’ поли только курева стоит,
Курева стоит, да дым столбом валит
От ихнего пару лошадиного.
Тут приехали к Семену Лиховитому,

Ставали ребята ко красну́ крыльцу́,
Слезывали ребята со добрых коней,
Везали коней да к дубову́ столбу,
К дубову столбу да к винтову кольцу.
Заходили они к Семену Лиховитому
Во ту во гриню во столовую,
Помолились они Богу по-писаному,
Поздоровались с Семеном Лиховитыим,
Садились на стульчики дубовые,
Говорили Семену таковы слова:
«Уж ты ой еси, Семен Лихови́тыий!
Приехали мы к тебе о хорошем деле — о сва́товстве,
О сватовстве Опресенью доць Семеновну
За того за солнышка Владимера
В стольной Киев-град».
Пошли они к Опресеньи дочь Семеновной,
Пошли они Опросеньи доло́жили:
«Здраствуй, Опросенья доць Семеновна,
Мы приехали к тебе о хорошем деле — о сва́товстве,
Засватать тебя за солнышка Владимера».
Опросенья доць Семеновна
Говорила она таковы слова:
«Есть у меня папоцька Семен Лиховытыий,
Есть у меня маменька родимая,
Попросите их да посватайте,
За мной дело не будет спо́рное».
Пошли они к отцу и к матушки,
Говорили им о хорошем сватовстве:
«Говорила Опросенья нам таковы слова́...»
Отец-маменька скоро с нима решилися.
Пошли, Опросенье опять доло́жили.
Опросенья с нима сама решилася
И дала им руку-рукобитие,
Помолилися Богу они, решилися.
Скоро ребята стали собиратися,
Домой они стали отправлятися.
Выходила Опросенья доць Семеновна,
Простиласе с отцём, с матерью,
Простиласе она, благословилася.

Подходят ребята ко добрым коням,
Берут в руки свои шелкóв повод.
Скоро старóй в стремена ступил,
В стремена ступил и на коня скоцил,
Посадили Опросенью ко стару казаку,
Ко старому казаку да к Ильи Муромчу.
Отправились ребята, добры молодцы,
Скоро проехали они по чисту полю,
Скоро приехали в стольной Киев-град,
Заехали в ограду княженецькую,
Становились они ко краснý крыльцу,
Слезывали они со добрых коней,
Вязали коней да к дубову столбу,
К дубову столбу да к винтову кольцу.
Выходит тут солнышко Владимер-князь,
Берет он Опросенью за правý рукý,
Ведет во гриню во столовую.
Садились они за столики все дубовые,
Посъели всё, покушали,
Водоцьки все подвыпили.
После етого да после етого
Сходили они да во божью́ церкову,
А скоро тут они повенчалися,
Повенчалися да обручилися.
Пришли они во гриню во столовую,
А все сели за столики дубовые,
А стали пировать тут пуще стáрого,
Пуще старого, да пуще прежнего.
Пировали-столовали трои суточки.
Все они стали пьяны-веселы,
Все они тут расхвастались:
А мудрой-ёт хвастат золотой казной,
Среднёй-ёт хвастат отцём-матерью,
А глупой-ёт хвастат молодой женой.
Свели молодых на подклет, повалили спать.

(Зап. Леонтьевым Н. П.: 19 авг. 1940 г., сел. Усть-Цильма — от Носова Василия Прокопьевича, 75 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.